Была и более насущная проблема. "Если мы тебя отпустим, как мы можем быть уверены, что ты не станешь искать другого темного мастера?" - спросил Эрнур. Это был человек, настолько сильно тронутый тьмой, что казалось, она поглотила его целиком. Его тело было сломано и испорчено, его слова были черны и оскорбительны для всех, кто их слышал. Тьма не желала отпускать ни одну душу, если уж она так сильно завладела ею.

В глазах Гарри вспыхнул страшный гнев. "Нарурзку гаюб-изиш", - с силой произнес он, и, казалось, небо потемнело от его слов, что свидетельствовало о силе, которую Король-колдун желал контролировать. "Нартуглуб-изиш гимбат бирзум, гхашдурб-изиш та".

"Он клянется, что не будет искать тьму", - сказал Глорфиндель, когда Гарри закончил говорить. "Он говорит, что никогда больше не будет закован в цепи".

Эрнур поверил в его уверенность, ибо его пылающие глаза были близки к тому, чтобы прожечь глаза самого Эрнура. И все же ему не нравилось, что столь раненого человека просто бросили на произвол судьбы.

"Как же ты выживешь?" - спросил принц. "Ты слаб, ранен и нуждаешься в помощи".

"Слааюб". Гарри ответил просто и с болезненным видом пожал изрезанными, обожженными и покрытыми шрамами плечами.

Смысл сказанного был достаточно ясен, но Глорфиндель все равно перевел. "Он говорит, что будет жить".

Эарнур все еще был недоволен, но не желал снова заточать Человека, чтобы тот провел свои последние дни среди целителей. Года плена было достаточно. Ему разрешат уйти, и принц надеялся, что Гарри проведет свои последние дни спокойно в диких землях за пределами Карн-Дума.

"Тогда мы снабдим тебя одеждой и едой и позволим уйти", - сказал он после минутного раздумья. "Мы не станем удерживать тебя здесь против твоего желания".

Мужчина поклонился Эарнуру, и его длинные спутанные волосы упали вперед. "Нарнулубат".

"Он говорит, что не причинит вам вреда, лорд Эарнур", - сказал Глорфиндель, а затем с грустью продолжил: "Это самое близкое к благодарности слово на Черном Языке".

Эарнур кивнул Гарри в знак согласия, затем велел стражникам отпустить его и показать ему некоторые краткие удобства, какие только можно было найти в недавно поверженных руинах Карн-Дума.

Он смотрел, как Гарри уводят, и не мог не смотреть на него в печали. Видя, как сломленный и

истерзанный человек уходит с силой, которой ему, конечно же, не следовало обладать, Эрнур понимал, что смерть гораздо предпочтительнее милости Короля-колдуна.

"Ты уверен, что это разумно?" - спросил Глорфиндель, когда человек ушел. "Он не выживет долго в диких землях, может, лучше оставить его здесь?"

Эарнур покачал головой. "Я не буду больше держать его в заточении", - печально сказал он. "Ты не хуже меня видишь, что ему осталось не так уж много дней, и я не хочу, чтобы он провел их в плену, который покажется ему неволей. Позвольте ему уйти из жизни, дыша свободным воздухом".

Оба союзника, к своему огорчению, уже видели таких людей. Те, кто держался, подвергаясь невыразимым пыткам с помощью средств, недоступных человеку. Когда их наконец освобождали, они словно переставали чувствовать необходимость бороться и умирали в течение нескольких дней, даже при самом лучшем уходе.

"Я могу принять твои доводы, - печально сказал Глорфиндель. Эльфы, вынужденные терпеть такие пытки, угасали по собственному желанию и отправлялись в Залы Мандоса на Сияющем Западе, прежде чем их опускали до такого состояния. "И все же я не могу избавиться от ощущения, что еще не видел его в последний раз. Возможно, нам следует хотя бы назначить кого-нибудь присматривать за ним, чтобы убедиться, что до его кончины с ним не случится больше никаких злодеяний".

"Я не стану оспаривать твою прозорливость", - резонно заметил Эарнур, который знал Глорфинделя как мудрейшего из советчиков. "Может быть, среди ваших эльфов найдется кто-нибудь достаточно легконогий и незаметный, чтобы последовать за ним незамеченным?"

"Думаю, Дэвен справилась бы с этой задачей, - ответил Глорфиндель после минутного раздумья, - она самая скрытная из всех наших разведчиков, но не лишена способностей к целительству".

"Убедись, что она знает, как пропустить его, если за ним придет холодная хватка, - печально сказал Эарнур, - она не должна продлевать его страдания, они и так были достаточно долгими, и я не верю, что что-то в Средиземье может их облегчить".

"Она поймет", - сказал Глорфиндель, кивнув в знак согласия. "Эльфы понимают боль страданий. Именно поэтому мы называем твою смерть Даром Людей". Если бы он был эльфом, ему не оставалось бы ничего другого, кроме вечных мук и боли, которые никогда не притупятся с течением времени".

Эарнур молча согласился. Иногда смерть и впрямь оказывалась более доброй судьбой.

Даэвен легкими шагами ступала по темным лесам восточного Ангмара. Ее острый эльфийский слух был настроен на звуки, издаваемые ее жертвой. Затрудненное дыхание, напряженное

сердцебиение, болезненные вздохи, скрип ссохшихся костей и суставов. Ни один из этих звуков не был приятен эльфийке.

Никогда еще она не чувствовала себя так близко к смерти, как сейчас, даже в самой страшной битве. Казалось, смерть шла рядом с человеком, за которым ее попросили следовать, и все же отказалась забрать его. Какая жестокая судьба - быть так близко к окончательному покою, но не иметь возможности его обрести.

Мысль о смерти была чужда эльфам, но она всегда завораживала тех, кто видел больше мира, чем большинство. Вокруг них все падало и разрушалось, а эльфы оставались вечнозелеными, неизменными временем. Боль от того, что мир вокруг них медленно умирал, была старым страхом всех эльфов и главной причиной, по которой они едва не поддались на уговоры Саурона и его Кольца Всевластья.

Способность сохранять красоту, которую они видели вокруг себя на протяжении веков, эльфы ценили превыше всего. Скрывать себя от упадка и горя утраты было даром, превосходящим все, что известно на Арде. Однако в том, что мужчина перед ней продолжал жить, не было никакой радости.

Когда она впервые увидела его, то подумала, что он уже мертв, не более чем мешок с костями, еще не поддавшийся тяге земли. Но он не был мертв. Каким-то образом, с помощью нечестной уловки Короля-колдуна, он все еще цеплялся за жизнь своими холодными скелетными пальцами.

Уже больше недели она следовала за ним по пустыне. Командир сказал ей, что они не ожидают, что ее подопечный проживет больше нескольких дней, но он был здесь. Спустя неделю после освобождения из застенков Карн-Дюма он каким-то образом продвигался вперед, и каждый шаг казался ему последним. Но он все равно шел.

Выглядел он не лучше. Он едва мог есть мягкую пищу, которую давали ему при расставании. Он так долго голодал, что, казалось, его тело теперь не доверяло и отвергало пищу. Первую порцию он вырвал, вторую тоже. После этого он стал есть очень мало в течение дня. По крайней мере, он мог пить, хотя то небольшое количество миравора, дарованное ему из жалости, все равно доводило его до сухой рвоты.

После первого дня Дэвен и сама подумывала о том, чтобы прекратить его страдания, хотя эта мысль промелькнула лишь мимоходом. Столь яркое напоминание о жестокости Средиземья и судьбе его обитателей было мучительно. Но она не стала действовать в соответствии с этими мыслями, не стала бы убивать того, кто так жалок, так безмерно покинут Валар.

Вместо этого она наблюдала за ним и слушала. Ему было дано достаточно еды, чтобы продержаться по меньшей мере две недели, но при его скудном потреблении она полагала, что он протянет гораздо дольше. Несмотря на отсутствие недостатка в еде, он проводил много времени, собирая травы и грибы. Некоторые из них она узнавала, как, например, ателас, который он собирал в небольших количествах. Другие были бесполезны для всех и даже

ядовиты. Она подумала, не намеревается ли он покончить с собственными страданиями с помощью этого яда.

Но он этого не сделал. Его обветренные суставы продолжали скрипеть, как старые деревья на ветру, дыхание вырывалось из легких слишком медленно, сердце слабо билось в груди, не желая сдаваться даже после стольких страданий.

http://erolate.com/book/4278/151909